

Владимир Кондрусевич

37 лет спустя

Впервые и вновь

1. До авторского вечера

Можно начать и так: юбилейный авторский вечер композитора Владимира Кондрусевича, назначенный на 17 ноября 2006 года, стал событием, которое начало волновать меня задолго до того, как мне стало о нем известно.

...Пятнадцатого октября, то есть больше чем за месяц до события, в третий раз ходил на балет Кондрусевича «Мефисто» в Музыкальный театр. В этот раз, наконец, мне не мешали никакие воспоминания юности; па-

мять о работах Кондрусевича 69-70-х годов не вызвала в этот раз страха ни чрезмерно завысить планку требований к его музыке, ни, напротив, быть к ней чрезмерно снисходительным. Обычный, в сущности, страх, когда оцениваешь работу человека в таком жанре, который радикально отличается от хорошо тебе знакомого; более того, — от того, в котором он был твоим кумиром.

...Позвольте, — положено здесь спросить моему гипотетическому читателю, — о каком это радикально ином жанре идет речь: жанры

Кондрусевича вроде бы все известны и, условно говоря, более-менее родственны. И о каких кумирообразующих работах В.П.К. 69-70-х годов можно говорить, если надвигавшийся авторский вечер его был посвящен — если верить масс-медиа и Интернету, а также большинству афиш, — 30-летию творческой деятельности маэстро; следовательно, творческий путь начался в 1976-м?

Отвечу. (В этом ответе и состоит смысл моего послания.) Но прежде хочу вслух поразиться пророческому движению духа: ведь после 15 октября, после «Мефис-

то», память о В. Кондрусевиче 69-70-х годов активизировалась в моем сознании настолько, что я набросал примерный, первый черновик-конспект этих заметок, который и включил в письмо брату от 25 октября. А 27 октября, гуляя по Татарской улице, вновь подвергся шквалу воспоминаний о музыке Кондрусевича 69-70-х и об атмосфере места, в котором она исполнялась, — до присущей приступам ностальгии почти физической боли... — и вот в этом-то состоянии вырuling прямо на ноябрьскую афишу Музыкального театра, в кото-

рой стояла жирная строка из песни Кондрусевича, написанной им не позднее 1969 года – «Солнце сквозь листву...» – с подзаголовком «авторский юбилейный вечер... etc.».

Да, это так с одной стороны сегодняшний Владимир Петрович утверждает, если верить трактовке журналистов, что «до сих пор песен не писал» (Советская Белоруссия, 01.11. 2006), а с другой – именуется свой авторский вечер, посвященный 30-летию творческой деятельности, начальной строкой своей самой легендарной песни, написанной 37 лет назад. Эта «раздвоенность ориентиров» в «упаковке» авторского вечера говорила мне об очень многом.

Утверждаю, что начало творческой деятельности его состоялось не 30 лет назад, а гораздо раньше. Да, если угодно, в подполье. Хочу говорить об ЭТОМ начале его творческого пути. Ибо я формировался и как любитель музыки, и как личность, буквально под музыку студента Володи Кондрусевича.

Перенесемся в 1969 год. Вершина музыкального вольнодумства в той зоне советской эстрады, которая пытается подменить рок, – «вокально-инструментальные ансамбли» (занятный в своей бессмысленности термин!) «Голубые гитары» и «Веселые ребята». Вторые исполняют «Старенький автомобиль», то есть Drive my car Битлз – без указания авторства и с идиотическим текстом. По советскому радио часто звучит на русском языке без указания авторства «Песенка велосипедиста» – на самом деле, это изувеченная Suddenly you love me, написанная группой Tremeloes, но мы об этом не знаем. Фирма грампластинок «Мелодия» уже год как издала сборник, на котором спрятаны Битлз: Girl, слова и музыка указаны как народные, исполнитель не указан вовсе. Говорят, что к Белорусской филармонии подбирается какой-то «Мулявин с Лявонами», и что они песни Битлз споют, в отличие

от «Веселых ребят», по-английски. Слух не подтверждается: на концерте после девяти аккордов Birthday «Лявоны» на чистейшем русском выдают: «Нам песня строить и жить помогает...» – с соответствующей словам музыкой. И мы их понимаем, и не порицаем: ведь цензура... Приглашенный на школьный вечер ансамбль мог быть вышвырнутым директором школы вон со сцены и с территории школы даже за пару строчек хотя бы и на болгарском: «не смейте исполнять антисоветскую музыку». Песня Bee Gees «Первое мая» с «объяснением», что, мол, это песня протеста, могла еще проскочить, но ихний же Massachusetts – НИКОЛИ. И что бы то ни было еще, и не только в стиле рок, а хотя бы и с «подозрением на рок» просто иностранное. Николі.

На фоне названных исключений и полуклассификаций (а я их перечислил практически все) мы перебивались передачами «Голоса Америки» (Penny Lane и Yesterday Битлз и Barbara Ann Beach Boys!), а также «Радио Швеции» (песни из первых альбомов Creedence...!) Мечтали ли мы об ожидавшем нас прорыве, который ЭТОТ ЧЕЛОВЕК – Владимир

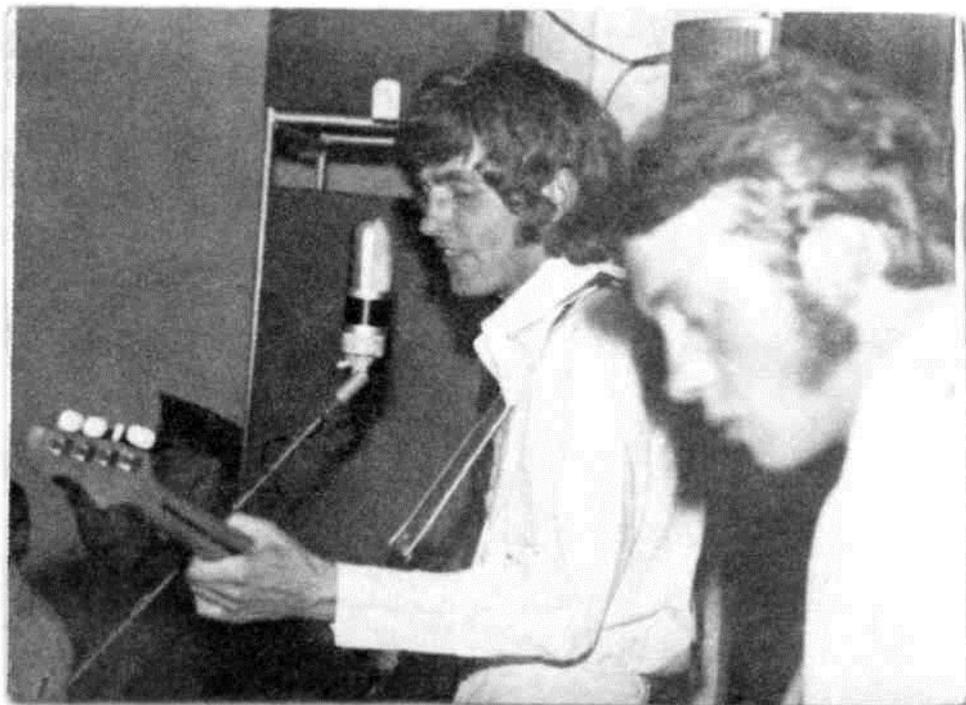

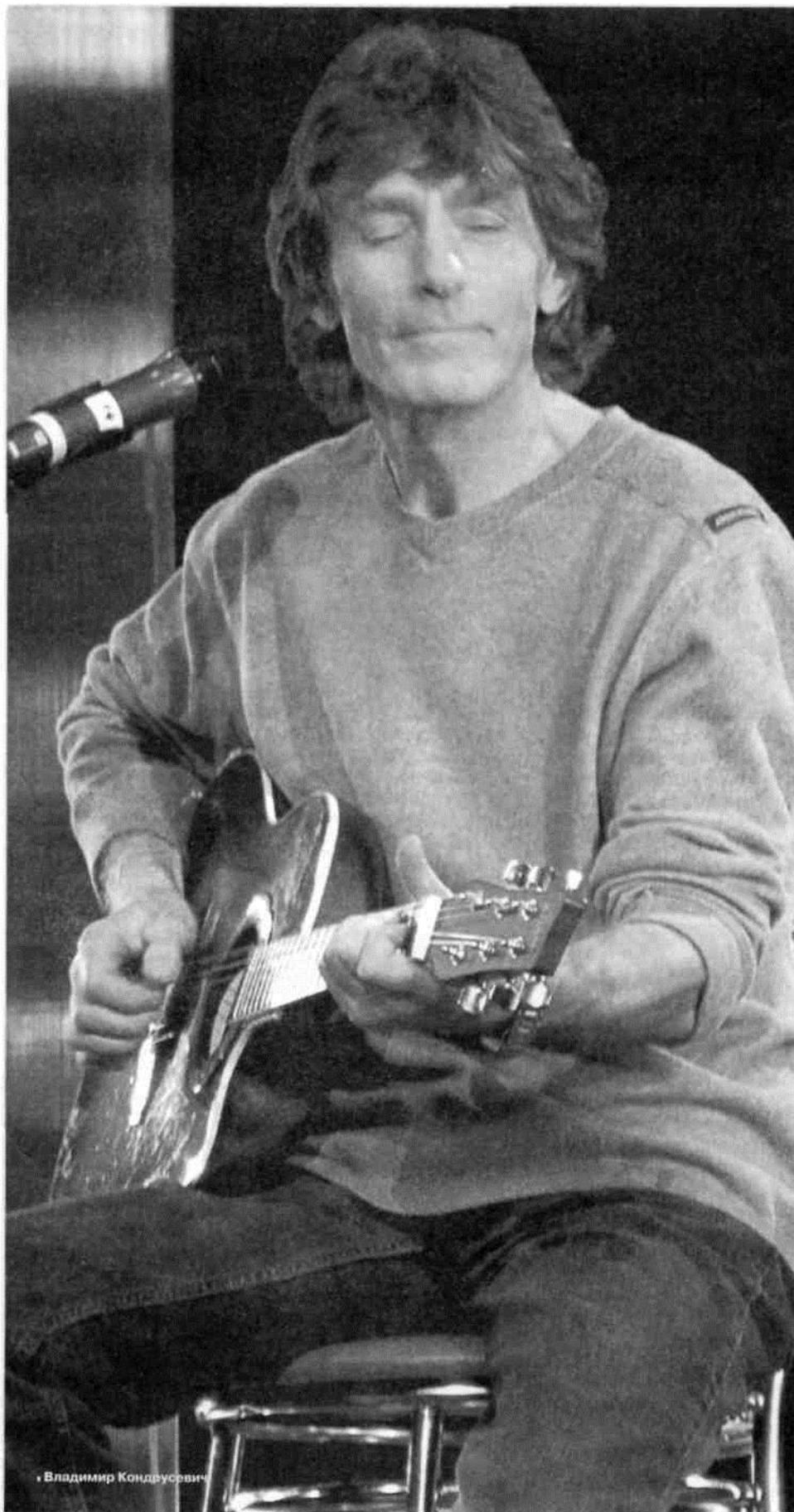
Кондрусевич – уже приготовил? Пожалуй, нет.

Но однажды во двор и в класс пришла огушительная новость – на «Бирже», то есть во «Доме культуры комбината силикатных изделий» каждые выходные на танцах играют какие-то «Пане-браце» – ПО-НАСТОЯЩЕМУ! – «В смысле?» – «А они песни Битлз поют, да и по-английски. На хорошем английском. А если что поют по-русски, то ТЕКСТЫ тоже КЛЕВЫЕ, БЕЗ ДУРАКОВ. НАСТРОЕНИЕ ОРИГИНАЛОВ ТОЧНО ПЕРЕДАНО. И ВЕДЬ ТАК ЛУЧШЕ, ПРАВДА, ЧЕМ АНГЛИЙСКИЙ ТЕКСТ ПЕРЕВИРАТЬ, ЕСЛИ его РАЗОБРАТЬ, НЕ УДАЛОСЬ, правда?..

И потом – у них И СВОИ ПЕСНИ КЛЕВЫЕ. Приходи, убедишься сам. А какой лидер! (Слова «франтмэн» мы еще не знали.) Красавец, высокий, на басу играет, как бог, а голос!.. Студент консерватории).

Я пришел на «Биржу» «на танцы» – девятиклассник – и остался на ней на 2 года, то есть 2 года каждую субботу был там. Потанцевал за это время один раз – не по своей инициативе, «белый танец». Я слушал. Группа по тем - и не только – временам была фантастическая. Угловатый скромный дивно техничный клавишник (Андрей Гитгельц), подчеркнуто «абыяковый» небрежный технар-виртуоз Владимир

Угольник (соло-гитара), харизматичный (мы не знали и этого слова) агрессивный «ударник» Виталий Романов. И, наконец, — ОН! КОНДРУСЕВИЧ. Владимир, Володя. Бас-гитара и lead vocals.

Был он красив, был он невероятно элегантен, аккуратен, подтянут — при том, что и замш, и галстук ниже пояса сантиметров на 15 — и был он совершенно, невероятно свободен. Чем больше проходит времени, тем лучше понимаешь, что он был действительно ВНУТРЕННЕ свободен. Харизматичен? Максимально, но его обаяние было МЯГКИМ. Был он — при несомненных лидерских данных и лидерской функции — скорее застенчив, абсолютно неагрессивен, но при этом тверд как скала. Был он полон достоинства (а не пижонства или понтов, чего вполне можно было ожидать). Панибратство с Кондрусевичем из «Панебраще» не просто не проходило — мы сами держали дистанцию, чувствуя это внутреннее достоинство. А еще — он был открыт. Но для искреннего ценителя, а не для выпендражника-раздолбая, не для хулигана-алкаша, не для фирменной шмоткипутаны. За ним такие активно пытались волочиться, но он был разборчивее Джона Леннона. Названный набор качеств — я не касаюсь пока его музыки — мгновенно и решительно выделял его.

Как играла группа? Как говорят сейчас, «драйвово». Что я на самом деле хочу сказать — это было абсолютно нелакировано, но наполнено энергией, жизнью, живым движением. Был хороший английский, и был сюрреалистический русский, когда с английским выходила заминка. («Нет нас / и весна сейчас. / Нам грустно / зимой. / Мороз и снег. Сколько зла в наш век. / Зло дружит с тоской», — пел Андрей вместо «The wall / on which the profit wrote / is cracking at the seems. / Upon the instruments / of dearth / the sunrise brightly gleams...»). «Ты во мне, / как вода в листве, / с кристальной душой. / Как во сне, / часто снилась мне / моею мечтой...», — продолжал он

он вместо «Confusion / will be my epitaph / as I crawl / a cracked and broken path. / If we make it / we all can sit back and laugh / but I fear / tomorrow I'll be crying ...».) Как-то раз что-то сорвалось на «Бирже», и мы вынужденно пошли в другой клуб, налетели на лакированную группу типа пришедших лет через 12 на нашу общую голову «Землян» и ушли с головной болью.

Но сходили мы в «другой клуб» не напрасно. Мы с тревогой увидели и не одобрили нарождающийся стандарт – лакированное псевдосовершенство, – а, главное, увидели, что в другие клубы приходит потанцевать всего человек по 100, а не по 400, как на «Биржу», а таких сорока, которые приходят ТОЛЬКО СЛУШАТЬ, в «других клубах» и вовсе нет.

(Помнится, бывало, я стоял минут по 10-15, прислонившись головой-ухом к басовой колонке, и блаженствовал. Больше по времени просто не выдерживал силы звука.)

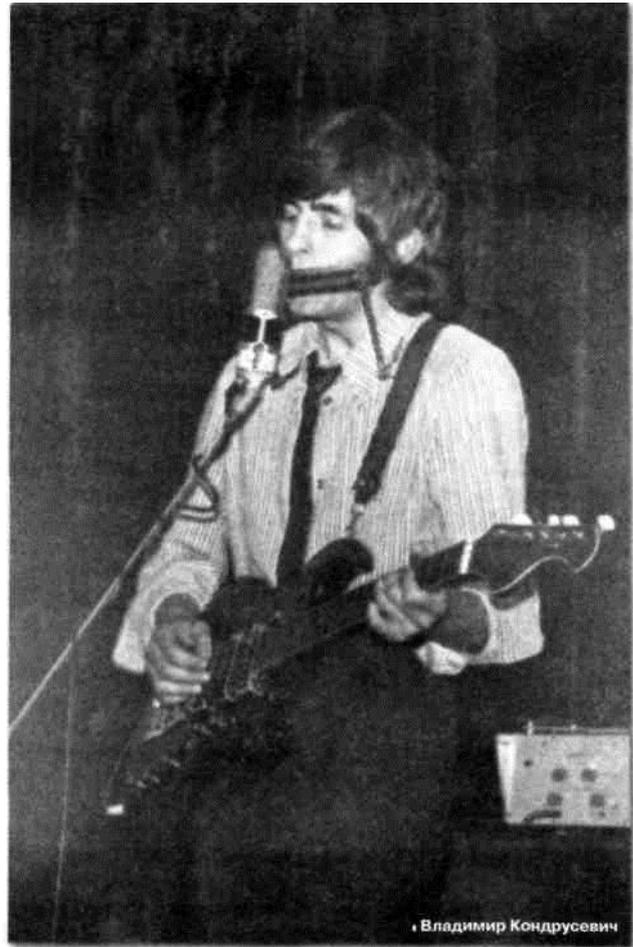
Исполнения Кондрусевича ВСЕГДА с великолепной свежестью отражали дух оригинала. Например, Junk Пола Маккартни, – разве не лучше Пола, не свежее, не пронзительнее, не более искренно его Володя исполнял?! То же и Creedence... – Джон Фогерти так искренне не веселился никогда. Deep Purple у Володи был мягче, лиричнее, чище, смешливее. А Kinks'ову Dead end street я и сегодня держу за плохую копию песни Кондрусевича. Он мог исполнить ЛУЧШЕ (примеры выше), не хуже (Come together и Let it be Битлз), и по-другому (Something Битлз, ряд русских песен.) При этом – как бы это объяснить, – «по-другому» также означало свежее и адекватное отражение оригинала. Звучание другое, а дух – вон он, здесь. Кто слышал хотя бы 20-30 трактовок Neu Jude, меня поймет: от 19-и плюешься, на 20-й с огромным интересом поднимаешь ухо.

И здесь надо вернуться к вопросу избыли сюрреалистического русского

на фоне хорошего английского. Да, языкам нас тогда учили так, что песни на стихи Питера Синфилда и с текстовкой в руках понять любому из нас, включая студентов иныза, было проблематично. Но вызывало ли это неизбежность русского? Да нет же, большинство исполняемых текстов, как видится в ретроспективе, были просты, Владимир владел английским, а с его-то слухом, разобрать, к примеру, Something Джорджа Харрисона, как я понимаю сейчас, ничего не стоило. Но – Something он пел по-русски. «Что-то я вчера искал. / А что, и сам не знаю толком...». И этот зачин – не правда ли, – тоньше, нежели прямолинейное заявление оригинала о том, что «что-то в ее манере двигаться привлекает меня, как никакого другого любовника». Что ж, приземление темы присутствовало и в трактовке В.К (просто звучало позже): «Как лёд, остались её губы. / Но хотел, я так хотел... / Ее хотел понять в тот день я. / Но не смог и не посмел». Приземленно? О, да, «заземлено» даже, но – поэзия... Другие слова – с тем же духом; так же бывало и с его аранжировками.

Ну, о Something еще можно по diskutieren. Но You'll never give me your money Битлз исполнялась с текстом бесспорно более лиричным по содержанию и более поэтичным по форме. Сравните «You'll never give me your money; / you'll only give me your funny paper. / And in the middle of negotiation / I'll break down» (оригинала) с «Ты никогда моей не будешь. / Подаришь глупое свое лишь фото. / А в середине твоего рассказа / усну я» (копии) и сделайте вывод сами; автор может быть и пристрастен. Но и приведенных примеров довольно, чтобы понять: в 69-м Кондрусевич нам показал: как можно, было, оказывается, не просто осмысленно петь Битлз по-русски, но еще и возвысить смысл их послания при использовании русского языка!

Это – чудо, которое, впрочем, могло быть отчасти вынужденным. Помимо

Владимир Кондрусевич

стремления к самовыражению, обильное использование русского языка в репертуаре, в большинстве состоящих из Битлз, Kinks, Creedence..., Deep Purple и других людей достойных, могло быть своеобразным ответом на требования цензуры. Так, на дискотеках 80-х от ди-джеев требовалось 3 советских песни на одну зарубежную; ди-джеи выкручивались, как могли. Вполне возможно, нечто подобное требовалось и на клубных танцах в 60-70-е. (Слово «дискотека» в 69-м обозначало «собрание дисков». Нынешнее значение слова не было известно; обозначаемая этим словом реалья отсутствовала.) «Пане-браще» «выкручивались» гениально: русские тексты были действительно хороши! (Всегда на английском звучали Come together, Back in the U.S.S.R., почти всегда – Let it be...)

Слышу ехидный вопрос: а сделал ли хоть что-нибудь Кондрусевич хуже оригина-

ла? Серьезно отвечаю: хуже на моей памяти было ОДИН раз – "Living loving maid" Led Zeppelin. По-английски.

Заметим: Алексей Козлов за популяризацию уже считается великим. А наш герой вроде и не считает популяризацию частью своего творческого пути.

Но – помимо популяризации – Владимир пел СВОИ ПЕСНИ. И пусть он утверждает, что авторский вечер посвящен всего лишь тридцатилетию творческой деятельности; мы не поверим в отсутствие в этом заявлении лукавства. Нет, творческий вечер маэстро соотносится, как минимум, с цифрой 37 – хотя бы потому, что назван по первой строчке его легендарной песни – «Солнце сквозь листву...». А эта песня, повторю в который раз, звучала уже в 69-м, а может, не знаю, и раньше. «Подпольщик» зашифровал информацию о начале пути.

На бумаге песню не напишешь, а на юбилейном вече-

ре прозвучит ли эта песня?.. Попробую о ней рассказать.

Песня эта отражает квинтэссенцию того, что начинающий жить юноша чувствует или желает чувствовать с любимой. Песня эта отражает чувство свободы (мечту о свободе?) в стране, в которой «нет секса» и нет полового воспитания. Щенячьи (без иронии!) мечты о холодной, красивой, медленной, сумеречной и рассветной страсти. Искренней. Жертвенной. Основанной на подлинном чувстве, а не на капризе. И лирический герой, кажется, и угловат, и неуклюж, и не совсем-то и знает, зачем секс. Но, как мне кажется сейчас, он интуитивно чувствует, что вообще-то секс – это дар Бога; и, хотя счастлив этим даром и любовью, он, кажется, интуитивно подозревает даже то, что, занимаясь сексом до брака, он совершает грех...

Песня эта была прекрасна тогда, прекрасна она и сейчас. Тогда мы слышали в этой песне то, что хотели, но даже не надеялись услы-

шать. Так и было задумано?

В музыкальном смысле, на мой вкус, эта песня является шедевром. (В качестве доказательства могу привести следующее простое соображение: а как бы иначе мы почувствовали все сказанное?)

Обращусь к словам – к первому куплету, – что, возможно, поможет понять, о чем речь:

«Солнце сквозь листву озаряет лица.
Вижу я тебя
и хочу напиться
той любви большой,
полной чар и ласки.
Эту ночь с тобой
я провел, как в сказке»...

...перекликаясь со словами его другой песни:
«...а образ милой напомнил мне картины тех видений, которые видел я во сне.
А тут - на самом деле»...

Кондрусевич пел и народные песни. Благодаря его исполнению моя любовь к песне «По диким степям

Забайкалья...» осталась, например, на всю жизнь. Он вообще открыл мои, и, надеюсь, не только мои, уши на явление «народная песня». Джоан Баэз уже всего лишь продолжила делать со мной то, что начал Кондрусевич.

Надо ли говорить, что его аранжировки народных песен были оригинальны, но бережны?!

Если Something отличался в его исполнении семантической идеей, настроением – в основном на уровне текста, – то «Бродяга» («По диким степям Забайкалья...») поразил меня (когда я годы позже добрался до традиционного исполнения) радикальными отличиями аранжировки; темпа; настроения, выраженного музыкальными средствами. При этом – кто слышал, тот знает, – исполнение Кондрусевича просто является лучшим. Замечу: не только «Бродягу», многие народные песни я слышал впервые в исполнении Кондрусевича. А за счет его удивительной аранжировки и исполнения советская агитка «Спят

курганы темные...» «тянула» минимум на несколько сотен Michelle. Была одним из любимейших номеров ВСЕХ посетителей «Биржи».

Статус группы при «доме культуры», как понимаю, был полностью подпольным (несмотря на языковые ухищрения). «Незарегистрированная группа» – это ему припомнили позже. А в 70-м как-то явился на танцы «товарищ майор» – реальный майор милиции. Явно по наводке и с проверкой. Ребята отыграли отделение народных песен. В тот вечер, в частности, Кондрусевич был великолепен на проходном, в общем-то, исполнении «Однозвучно звенит колокольчик...». Товарищ майор заулыбался, благословил («Ансамбль ваш замечательный...») и ушел. Тут-то мы все и оттянулись.

Голосист был Романов (он пел «визитную карточку» группы – народную «Як па-едуць пане-браце у лес па маліну.» в собственной аранжировке), да неплох и Угольник был как рок-вокалист, но красивый голос Володи, как

сейчас подсказывает мне память, мог, казалось, иметь любую – по необходимости – силу. И владел он им не чета Романову и Угольнику, и был этот голос гипнотичен... И основным вокалистом Кондрусевич был безальтернативно. Кондрусевич как певец – наверное, сегодня для кого-то такое сочетание и неожиданно?..

А кто, по-вашему, крестный отец «Песняров»? Правильно угадали. Я уже говорил: когда мы пришли на «Биржу», «Лявоны» только начинали. Полузадушено и подцензурно, но с видимым мощным потенциалом. «Песняров» – не было. «Песнярами» «Лявоны» вернулись из Москвы с лауреатским званием, а в Москву за званием «Лявоны» отправлялись с аппаратурой, одолженной у группы «Пане-браце».

Для меня память о том Кондрусевиче – всегда зима. Ну, в худшем случае, снежный март. Хочется долго говорить о пейзаже перед «Биржей». О пейзаже вокруг «Биржи». О развалинах «Биржи» сегодня. Теперь, 37 лет спустя, я опять гуляю там – несколько раз в году. Это – отдельная тема, которую сегодня просто придется оставить в стороне.

Из моего письма брату от 25 октября, дословно: «Все это дало мне повод найти развалины "Биржи". Год или полтора назад. Они – ИМЕННО развалины – сохранились. Район – сохранился. Я полазил по нему, это удивительно, за пределами, это не передать словами. Метров триста от «Биржи» вверх – железная дорога (основная ветка, заводская – рядом), улица Машинистов, краткий вид то ли на старый аэродром, то ли на забытый военный-разведывательный космодром, и сразу – конец Галактики, а не то и Вселенной. Свертка пространства. Если идти вниз – тоже удивительно. И вперед. Приезжай, покажу».

Кончилось мое школьное детство. Как-то одновременно с этим кончилась для меня и «Биржа». И вдруг замечательный, невероятный звонок «Кондрус проводит рок-фестиваль!» 1971-й год,

Владимир Кондрусевич и Владимир Угольник

как такое возможно?? «Человекам это невозможно...», – но я говорил а рgoros о его внутренней свободе. Возможно, брат. И мы идем в радиотехнический институт (он тогда назывался так), и там сейчас должно состояться нечто официально, кажется, называемое «конкурсом любительских групп». (Помните, у покойного М. Науменко: «Я люблю только любительские группы?»). И вот на этом моя память буксует и «фонтанирует» провалами: Кондрусевича в этот вечер система остановила. Кто выступал до «Пане-браце» – не помню совершенно. Не помню, что именно «Пане-браце» (без заболевшего Романова с приглашенным чужим барабанщиком) играли первым номером. Второй была песня Creedence... – и опять не помню, какая... Ну, доиграть песню дали, но занавес упал, вышел другой товарищ майор и напомнил, что группа выступала вне конкурса. Занавес больше НЕ ПОДНИМАЛСЯ. Мы ушли. «What we call the beginning is often the end» (Томас Стернс Элиот). Или, пользуясь, как на «Бирже», русским, «Что мы считаем началом, часто конец» (перевод Андрея Сергеева). Мы считали, что идем на открытие рок-фес-

тивала, а попали на последнее выступление Владимира в качестве рок-исполнителя. Потом мы прочитали в газете «Знамя юности», что студент Кондрусевич отчислен из консерватории «не за репертуар в стиле Битлз, а за то, что ансамбль не был зарегистрирован» (по памяти стремлюсь здесь к дословному цитированию). Это – слова тогдашнего консерваторского ректора. И далее: «Правда, потом мы его восстановили, и сейчас он даже руководит...», – не помню, право, чем... Ибо это казалось не важным. Важным было, что его остановили...

«Ансамбль» – группа «Пане-браце» – исчез с «Биржи». Володю я позже встретил в оперном; он, кажется, там уже работал... Я робел, а он не разделил мой восторг от первого альбома Emerson, Lake and Palmer...

И вот потом более 30-и лет – сперва по-юношески, а потом просто по-глупому боясь разочарований на фоне драгоценнейших воспоминаний юности, – я не только не искал с ним встреч, но и сознательно избегал спектаклей с его музыкой. Вообще его музыки. А о его симфонии я не знал буквально до сегодняшнего (16 ноября) дня. Ну что ж, скажу честно (а что остается?) – и

не хотел, наверное, знать. Сам виноват. Я ушел от его музыки и прожил жизнь... без его музыки. До того, как 3 или 4 года назад наткнулся в афише на «Мефисто» Владимира Кондрусевича, моя жизнь с его творчеством, увы, не пересеклась.

О литературной основе «Мефисто» пусть говорят более снисходительные. О музыке же могу сказать: наслаждение, вкус, энергия, школа, стиль, разнообразие... Трижды прослушал, мне мало. Мне действительно мало, и теперь – в ретроспективе – хочется прослушать все. Нимало не сомневаюсь, что в течение всей жизни МАСТЕР работал так же блистательно, как тогда, когда эту работу видел и слышал я, и что плоды ее были столь же щедрыми...

Талант Владимира Петровича Кондрусевича – от Бога. Я обязан громко сказать в конце, что становился умиротвореннее и добрее после «танцев» на «бирже». Как и через 30 с чем-то лет спустя после посещения «Мефисто»...

Спасибо, Володя. Поколение, выросшее на твоих песнях, любит тебя.

Посвящаю воспоминания о «Бирже» Михаилу Худниченко, который и привел меня туда.

2. После авторского вечера

*«Нимфы ушли...»
(Т.С. Элиот)*

*«Куда ушли снега?
Зачем угас печальный вальс
снежинок?»
(В. Лазарев)*

*«На том месте, где мы были,
деревянный крест стоит»
(В. Кондрусевич)*

*«Эта музыка будет вечной»
(Кормильцев of «Наутилус
Помпилиус»)*

Понятно, что полное, «отчетное» описание, тем более рецензирование авторского вечера не входит в задачи автора этих строк. Автор – грешен – был озабочен больше

ческие гитары. Что ж, в песне появилось немножко лака. Сиропа. Немножко возрос темп. Исчезла, естественно, надрывность. Осталась жизнь, осталось чувство (с добавленной мудростью), осталась прекрасная музыка. Осталась удивительная лирическая песня-шедевр. Осталось... счастье 57-летнего Володи Кондрусевича спеть эту песню в большом зале и в компании соратника – пусть и 37 лет спустя.

После исполнения песни они обнимались. Горжусь, признаюсь, тем, что вынес на сцену первые в тот вечер цветы. Из моего письма брату от 20 ноября: «Я вылетел на сцену с букетом роз, долго душил в объятьях, а цветы

было поставлено официальное ультимативное условие: оставить рок. (Что было настолько остро, я не знал.) И наш герой это условие принял, и его выдержал. И стал известнейшим композитором – автором симфонии, балетов, мюзиклов, опер, оперетт... Но – солнце сквозь листву!

Говорилось на вечере и о том, что «вдохновение и идеи он черпает, наверное, из другой Галактики». Ну, это понятно: помните, «от «Биржи» вверх – <...> краткий вид то ли на старый аэродром, то ли на забытый военно-разведывательный космодром, и сразу – конец Галактики, а не то и Вселенной. Свертка пространства». Наверное, там и

наконец, понял, что значит «море цветов»), награда (или награды?) Национального собрания, было искреннее поздравление его представителя, и была съемка для телевидения. Была такая демонстрация Владимиром своих голосовых данных, что я задумался: а не стал ли его голос еще сильнее? Были новые песни В.П.К., исполняемые молодежью. Был действительно праздник (а я ведь боялся, что может случиться официоз!).

Но он завершился, праздник. Нимфы ушли. Ушли снега, угас печальный вальс снежинок. На том месте, где мы были, деревянный крест стоит. Из моего письма брату от 20 ноября: «Я после этого вечера как с похмелья. Клянусь: подобный собственный юбилей зацепил бы меня куда меньше».

Но хотя в 1969-м Володя Кондрусевич и пел «На том месте, где мы были / деревянный крест стоит», он добавлял к этому, что, хотя «все, что было, схоронили, / но осталось все при нас»... Нет, мы схоронили не все. А сохранили все, да, «осталось все при нас»; а еще – мы стали лучше.

...17 ноября, собираясь уходить с работы, я сладко вздохнул и совершенно машинально сказал: «Иду на Биржу». Будто и не было этих 37-и лет.

«We shall not cease from
exploration
And the end of all our
exploring
Will be to arrive where we
started
And to know the place for
this first time»
(Т.С. Элиот)

«Мы не оставим исканий,
И поиски кончатся там,
Где начали их; оглянемся,
Как будто мы здесь впервые»
(Перевод С. Степанова).

Спасибо, Володя, и за то, что дал мне побыть машиной времени.

Владимир ЛАЗАРЕВ
Фото из личных архивов Владимира КОНДРУСЕВИЧА и Владимира ЛАЗАРЕВА

всего тем, чтобы услышать на вечере хоть что-то из своего 1969-го. Автор – праведен – был озабочен тем, чтобы его правда о Кондрусевиче хоть в какой-то степени стала достоянием тех зрителей, которых Владимир Петрович пригласил на свой вечер, но для которых «Солнце сквозь листву...» – всего лишь красивый образ. Чтоб этот образ не остался в контексте вечера маэстро красивой загадкой. А для этого, опять же, было нужно, чтобы хоть что-то из моего Кондрусевича на вечере прозвучало.

Прозвучало главное – песня «Солнце сквозь листву...». Владимир пел в собственном и Володи Угольника сопровождении под акусти-

не отдавал. (Так свидетельствовала моя спутница, добавив, правда: «Под одобрительный гул зала.»).

Да, интригу с названием вечера Владимир Петрович закрутил классно. 30-летие моей официальной композиторской деятельности, да, но 37 лет назад, изволите ли знать, была такая моя песня... (После вечера я говорил с людьми, признававшимися, что всегда знали эту песню, но считали народной.) О рок-группах Кондрусевича на вечере напрямую и не упоминалось. Говорилось об исключении из консерватории – глухо, смутно. Зато явно прозвучало, что при его восстановлении в консерватории

стоит портал для перехода в эту другую Галактику. «С наступлением ночи в снастях и антеннах / Возникает голос, поющий на никаком языке» (Элиот в истолковании Сергеева). Но правда и то, что В.П.К. – трудяга, каких мало, и если что и ставит себе сам в заслугу, как источник успешного вдохновения, так это свой терпеливый труд, который никто и ничто остановить не может. И, конечно, жену. И любимый театр.

Вечер прошел «лучше, чем я боялся». Было много из «Мефисто», из мюзиклов и оперетт. Были абсолютно искренние – и искрометные – поздравления актеров различных театров. Было море цветов (вот в этот вечер я,